

Мария Некрасова

БОЛЬЩАЯ КНИГА УЖАСОВ 10

Месть крысиного короля
Доктор-мумия
Костыль-нога
Вечеринка для нечисти

Жуткая сказка на ночь

Мария Некрасова

Месть крысиного короля

«ЭКСМО»

2009

Некрасова М. Е.

Месть крысиного короля / М. Е. Некрасова — «Эксмо»,
2009 — (Жуткая сказка на ночь)

О крысиных королях ходят легенды. Говорят, сросшиеся хвостами крысята приносят удачу. Но что происходит на самом деле, знает только Светлана Лебедева – ученица восьмого класса обычной московской школы. Ручная крыса, подаренная Светке приятелем, однажды родила на свет такое чудо – и для семьи Лебедевых началась светлая полоса. А потом за подарки судьбы был выставлен счет. И Светке стало по-настоящему страшно...

© Некрасова М. Е., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Глава I	5
Глава II	9
Глава III	10
Глава IV	11
Глава V	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Мария Некрасова

Месть крысиного короля

Глава I

Как меня выгнали с урока, а потом перевели из восьмого класса в десятый

Липатов маньяк, и тому есть документальные подтверждения. Записочки типа «Лебедева дура» я получаю по три раза за урок. Да чего там! Этот ненормальный до сих пор бы дергал меня за косички, если бы я не подстриглась два года назад под свою любимую Тутси; до сих пор клал бы мне на стул кнопки, если бы я не купила на зиму ватные штаны; до сих пор отвешивал бы мне подзатыльники, если бы я не записалась в секцию карате. А ведь мы уже в восьмом классе! Я понимаю, он влюбился и не знает, как привлечь мое внимание, но от этого не легче.

Мама говорит, что из таких упертых маньяков вырастают великие ученые и политические деятели. Насчет ученых сомневаюсь – Липатов двоечник, а насчет политиков – что ж, он действительно отлично умеет портить людям жизнь.

В этот свой день рождения я не ждала ничего особенного. Уже не маленькая, знаю: люди старше двенадцати лет редко получают в подарок то, чего хотят больше всего. Потому что хотят многое. В классе мне надали бесполезных мягких игрушек, тонну безвкусной бижутерии, гору ластиков-ручек – в общем, никто не соригинальничал, кроме, конечно, Липатова. Ни за что не угадаете, что он мне подарил!

КРЫСУ! Живую! Рыжую, как морковка, и без клетки. Что тут началось! Девчонки с визгом полезли на парты, мальчишки заржали, короче, праздник сразу стал веселым. Я стояла с крысой на плече и не знала, благодарить его или, может, по шее съездить? Крыс-мышей я не боюсь, так что сделать гадость у Липатова не получилось. Но, как говорит бабушка, «Мне не дорог твой подарок, дорога твоя любовь». Так что по шее я ему съездила, но крысу взяла – отдашь, он ее, пожалуй, замучает или подложит кому-нибудь из учителей, что, в общем, одно и то же.

Пришла физичка, оценила обстановку и выгнала нас с крысой. Это был последний урок, так что я особенно не возмущалась. Липатов, хотел он этого или нет, одно благородное дело сделал – отпустил меня пораньше домой. Сам выскочил следом.

– Светка! Подожди! Ты че, обиделась, Свет? – закричал он.

Я цапнула в раздевалке свой тулуп и выскочила на улицу. Липатов за мной. Он шел рядом, потупившись.

– Я думал, ты любишь животных... Извини, Свет.

Крыса на моем плече сопела мне в ухо. В голову лезли положенные в таких случаях вопросы: как ее назвать, чем кормить и что скажет мама? В том, что ругаться она будет, я не сомневалась. Мама терпеть не может животных в доме. Я пробовала в детстве притащить котенка – что было! Мне припомнили все грехи, от пролитого на ковер варенья до герани, съеденной в несознательном возрасте. На котенка повесили всех собак: и блохастый он, и лишний, и царапучий, и мебель портит... Котенка папа отвез на «Птичку», а я с тех пор больше не рисковала.

– Я-то люблю, – буркнула я Липатову, – мать не любит.

Липатов виновато покосился на крысу и выдал:

– Правило знаешь? Дареное не возвращают.

Я сказала, что и не верну, будь спок, и он заметно приободрился. Порылся в рюкзаке и достал диск группы «Гимназия»:

– Вот еще. Твоя любимая Тутси.

Я взяла и молча кивнула. Тутси – солистка группы. Я ее не люблю. Да я ее ненавижу просто! Она старуха, ей двадцать четыре – я на десять лет моложе. Она толстая, обхват бедер – девяносто пять! У меня девяносто. Она поет под «фанеру»! И двигаться не умеет! Я пою и танцую дома перед зеркалом без всякой «фанеры» в сто раз лучше этой Тутси. Но при этом она – звезда, а я рядовая восьмиклассница, каких полно на необъятных просторах нашей родины. Где справедливость?

– Ну хочешь, я твоей матери объясню? – наседа Липатов. – Крысы, они хорошие, умные, умнее кошки. И не кусачие вовсе, если правильно воспитывать.

Я подумала: почему нет? При Липатове мама точно не будет ругаться. И согласилась.

Мы шли через парк. Вообще, парк – сильно сказано. Зеленый пятачок среди шумных улиц. Смех, а не парк! К тому же половину пятачка занимал особняк академика Александринского.

Как я ненавидела Тутси, так академика Александринского ненавидел папа. Они защищали диплом в одном институте на одной кафедре, только с разницей в двадцать лет. Когда академик был академиком, папа еще топтался в кандидатах наук. Тогда им и раздавали квартиры на нашей улице. Александринский получил особняк, профессора переселились в кирпичные новостройки, а папе досталась двухкомнатная в пятиэтажке.

Если бы квартиры раздавали сейчас, папе дали бы не двухкомнатную, а двухэтажную, и не в пятиэтажке, а в пентхаусе. Оттуда один шаг до особняка (конечно, в переносном смысле. В прямом – побольше и больно падать). Но сейчас ученым платят мало, а квартир совсем не дают. Александринский был виноват только в том, что раньше родился, папа это понимал, но все равно чувствовал себя обиженным.

Я посмотрела на плечо – крыса шевелила усами, подергивала маленьким розовым носиком. А она красивая, не чета подвальному. Ярко-ярко-рыжая, как будто выкрашенная хной, с розовыми ушками, лиловыми глазами... словно из волшебной сказки. Нет, теперь я нипочем не отдам ее Липатову!

* * *

Чудеса начались, как только мы переступила порог квартиры. Мама возилась на кухне, но, увидев нас, все бросила и с умильным лицом выбежала навстречу:

– Ты моя красавица!

Я думала, это она мне, поздравляет с днем рождения. Но фигушки! Пройгнорировав меня и даже не поздоровавшись с Липатовым, мама схватила на руки крысу и, сюсюкая, утащила ее на кухню.

– Какая ты красивенькая, какая рыжая, пойдем, я тебе вкусенького дам...

– Животных не любит, говоришь? – с ехидцей спросил Липатов.

Я кивнула: да, не любит.

– Не понравилась, так и скажи! – обиженно шикнул Липатов. – Чего на мать-то валишь?!

– Правда...

Он не верил мне, а я – своим глазам. Мама, что ли, успела полюбить животных, а я и не заметила?

Мама посадила крысу на стол, выловила на блюдечко из кастрюль по кусочку того-другого и поставила перед зверем:

– Кушай, рыжик.

– Ты бы нас покормила, что ли! – возмутилась я.

Мама только плечами пожала:

– Садитесь, готово, кто не дает! – И ни слова на тему «Поздравляю с днем рождения и все такое».

Липатов разобиделся окончательно. Буркнув «До свидания», он отвалил, не замеченный и ненакормленный. Ну и пусть.

Я пристроила свою тарелку рядом с крысой и села обедать. Мама суежилась рядом, подкладывала крысе еду в блюдечко. Что-то зверь подозрительно много ест! И пузо у нее толстое. Сама худенькая, а пузо толстое, как будто апельсин проглотила. Я подумала, что надо спросить у Липатова, сколько едят крысы и какое у них должно быть пузо. И заодно – чем ее кормить, а то мама накладала и мяса, и картошки, и подливки – может, крысе вредно?

Меня отвлек телефонный звонок. Трубку взяла мама:

– Да... Здравствуй, Сан Саныч...

Я поперхнулась, цапнула со стола тарелку и ушла к себе. Сан Саныч – мамин начальник. Лысый и мерзкий. Мама у меня обозревател в журнале. Обозревает раз в неделю Интернет, не выходя из дома, работает за компьютером. А Сан Саныч звонит ежедневно примерно раз в три часа и спрашивает, готовы ли обзоры. По-моему, он маньяк, вроде Липатова, только Липатов в меня влюблен, а Сан Санычу нравится издеваться над мамой. Папа каждый раз грозит спустить его с лестницы, но все никак не дожидается подходящего случая – Сан Саныч не ходит к нам в гости.

Я сидела у себя в комнате, дожидывала обед. Из-за двери доносились обрывки разговора:

– Нет, ведь я должна их сдать только в пятницу, а сегодня вторник... Сан Саныч, ну кому будет интересно читать в понедельник новости прошлого вторника?!

Сейчас мама поругается с лысым, потом будет пить валерьянку. Через часик отойдет, сядет за компьютер. Поработает немного, а потом Сан Саныч еще разок позвонит и – смотри выше... Вот, мама начала заводиться:

– Если вам не на ком сорвать злость, купите боксерскую грушу!

При необходимости я могла бы суфлировать, но мама обходилась сама. Записать, что ли, на магнитофон, да врубать каждый раз этому лысому, когда он звонит?

За окном гроыхнули ударные, завизжал саксофон, тренькнула об асфальт разбитая бутылка. Московское время – шестнадцать ноль-ноль. Под окнами у нас ночной клуб, его открыли пару месяцев назад, и с тех пор весь дом сверяет по нему часы. Как начнет гроыхать – шестнадцать ноль-ноль, клуб открылся. Здравствуй, веселый вечер и не менее веселая ночь: музыка, крики, звон разбитого стекла... Ну отдыхают люди! Только все затихнет – семь утра, пора вставать.

Сперва мы бесились, писали коллективные жалобы, а потом привыкли. Иногда я не могу заснуть, если за окном тихо.

Мама вошла ко мне, растерянная, зареванная, как всегда после разговора с Лысым. Вместо того чтобы сказать «Дай валерьянку и подушку», сказала:

– Иди, купи клетку крысе. Я полежу, мне что-то нехорошо...

Еще бы! После таких разговоров ей долго приходится отлеживаться. Нашла время думать о крысе. Хотя не может же зверь шататься по квартире без клетки.

Я дала маме подушку и валерьянку, дежурный плед – и отправилась за клеткой.

* * *

В магазине мне чуточку повезло. Какой-то растяпа набрал полный комплект для крысы, а потом спохватился, что забыл кошелек, и ушел. Клетка, домик, лесенки, витаминки, гамак, мячик – все уже было упаковано, и даже чек выбит. Я расплатилась, сгребла покупки и пошла домой.

Из магазина самый короткий путь – через школьный двор. Я тащила клетку и думала, как, наверное, крыса устала после переполоха в классе и как ей неуютно в незнакомой квартире. Ничего, сейчас крыска заберется в домик... Подстилку я не купила. На чем спят крысы?

– Лебедева! – Крик Ларисы-директрисы застал меня в двух шагах от школьных ворот. Я подумала: «Сейчас влепит за крысу, наверняка физичка ей уже настучала». – Лебедева, стой!

Делать вид, что не слышу, было бессмысленно. Орала Лариса так, что на первом этаже стекла дрожали. Я вздохнула (ну, ерунда, попилит и отпустит) и направилась к ней.

– Да, Лариса Дмитриевна.

Лариса-директриса смерила меня взглядом и выдала:

– Пойдем ко мне в кабинет. У меня для тебя новости.

Так... простой нотацией я уже не отделаюсь. А что она мне сделает? Выгонит – вряд ли, за крыс не выгоняют. Поставит в полугодии двойку за поведение... Ну, это ерунда, это можно пережить.

В директрисин кабинет я вошла почти смело. Лариса уселась на стул, кивнула мне на соседний и выдала:

– Я перевожу тебя в десятый класс.

Неслабо да? Хорошо, что я сесть успела, а то бы так и свалилась на пол. За какие такие заслуги, позвольте спросить?

– Я давно за тобой наблюдаю, – журчала эта шокотерапилка, – ты способная, схватываешь все на лету. А что четверки у тебя случаются, так это просто – тебе уже неинтересно в восьмом классе, вот и халтуришь иногда.

Я слушала и не верила своим ушам. Учусь я действительно неплохо, но назвать ботанкой меня все-таки нельзя. Я запросто могу прогулять и не сделать уроки, когда лень, да и, в конце концов, есть в моем классе ученики и посильнее!

– Ты, конечно, не такая старательная, как Ремнева с Ивановой, – Лариса будто читала мои мысли, – но ты способнее их, они зубрят, а ты учишься!

Я как во сне бормотала что-то вроде «Спасибо, конечно, я оправдаю ваше доверие», Лариса кивала и нахваливала мои феноменальные способности.

Отпустила она меня только через полчаса. Я вылетела из школы, красная как рак, думая, что учиться в десятом вообще-то хорошо: два года попотеть – и школа закончена. А Ремнева с Ивановой и остальные пусть парятся все четыре года, раз такие неспособные!

* * *

Домой я прибежала в прекрасном настроении. Установила клетку на кухне (пусть зверь живет поближе к продуктам!) и стала искать крысу. На кухне ее уже не было, в родительской комнате – тоже. Мама сказала, что видела ее только что в коридоре, но там тоже крысы не оказалось... Она нашлась в моей комнате. Крыса сидела на диване и грызла мои новенькие туфли – папа подарил с утра, я только успела примерить. Я присела рядом. Отобрала и посмотрела – нет, не починить. Крыса будто знала, как портить обувь – она погрызла не каблук, не набойку, а самый носок. Можно, конечно, поставить заплатку, но некрасиво же будет! С досады я зашвырнула туфлю в угол. Крыса вздрогнула от шума и уставилась на меня глазками-бусинками.

– Что ж ты делаешь, бестия рыжая! – Я вскочила и...

Так больно было только в детстве, когда я наступила на осколок бутылки. Большой палец на ноге, как будто резали ножом. Я стянула носок, посмотрела – на пальце были следы крысиных зубов.

Глава II

Как меня укусили, не кусая, а Сан Саныч извинился перед мамой

Кровь стекала на пол. Рыжая сидела на диване, глядя на меня невинными глазками. Нет, если бы она меня укусила, я бы заметила. Стала рассматривать палец – не порезалась, точно укус. Вот две глубокие лунки от крысиных резцов. Что за фигня?

Крысу я посадила в клетку, рану обработала. Маме решила не говорить – нечего ее расстраивать, ей так понравилась крыса.

Только я успокоилась и включила телек, как опять зазвонил телефон. Мама взяла трубку:
– Да. Да...

Второе «да» она сказала таким убитым голосом, что я сразу поняла, кто звонит. Лысый. Опять он! Сколько можно доводить маму?! В детстве я мечтала, что вырасту, приеду к маме на работу и надаю ему по шее. Видимо, уже пора.

– Здравствуйте, Сан Саныч...

Ну, я же говорила! Что-то он сегодня даже чаще, чем обычно. Прошло-то всего часа два с его последнего звонка. А должно быть – три....

Мама подозрительно замолчала. По установленному сценарию она должна была сказать: «Еще не готовы» и тут же начать оправдываться. Но в этот раз мама отступила от сценария:

– И вы меня извините. Я понимаю, вас волнует своевременность подачи материалов... Неужели? Ну, спасибо, Сан Саныч, спасибо, обрадовали! Да? Ну, замечательно!

Я высунулась из комнаты и с любопытством уставилась на сияющую маму. Что такое с лысым монстром? Или это звонит какой-то другой Сан Саныч, мало ли их на свете?

Мама положила трубку и подмигнула мне:

– Прикинь, Светик, мне зряплату повысили! И с обзорами, сказали, можно не торопиться!

Вот уж новость так новость!

Глава III

Как замолчал клуб, а у крысы появились крысята

Я сидела за уроками – Лариса навязала мне кучу десятиклассных учебников, и все надо было дочитать примерно до середины. За один-то вечер! Утопая в незнакомых терминах и формулах, я вполуха слышала, как пришел папа, как познакомился с крысой (ему она тоже понравилась). Выходила на кухню звонить Ларисе и видела, как папа играет с крысой, заставляя переползать с ладони на ладонь, как позволяет этой бестии, съевшей мои туфли, ковыряться в своей тарелке...

Когда я не то чтобы все прочла, а просто сказала себе, что не могу больше, было уже начало двенадцатого. Ничего себе! Да я даже не поужинала!

Родители уже спали – свет в их комнате не горел. За окном привычно гроыхала музыка. Крысе это не нравилось. Она металась по клетке, фыркала, шипела, кидалась на прутья. Я выпустила ее, но сделала только хуже – у зверя прибавилось свободного пространства, и вместо клетки она стала бегать по всей кухне, шипя и попискивая.

Я налила ей свежей воды, совала сухарики – все без толку.

– Да успокойся же ты! – сорвалась я наконец. – Подумаешь, ночной клуб! Натанцуются к утру, да притихнут.

Крыса неожиданно успокоилась и заползла в клетку. Я почесала ее за ушком.

– Умница. Спи.

Но спать она не хотела. Лечь-то легла, но продолжала тихонько попискивать, как детская игрушка-пищалка. Сперва громко, потом тише, потом тоньше и чаще... Я сидела рядом и растерянно слушала. Вот диапазон у животного, почище несчастной Тутси!

И вдруг музыка разом смолкла. Просто: «Хоп!» – и все, тишина. А писк стал выше октавы на три и звучал так, словно пищала не одна крыса, а...

Я сунула руку в клетку и осторожно приподняла деревянный домик... И увидела *его*. Это было похоже на креветку с восемью головами, на сосиску-мутанта, на... Минуту спустя я сообразила, что это не креветка и не сосиска, просто у крысы родились крысята. Маленькие слепые, голые.

Крыса обнюхала мои руки и позволила потрогать крысят. Они были горячие и гладкие.

Глава IV

Как меня с почетом усадили на помидор, а я не знала, что сказать про Октябрьскую Революцию

Я вперлась в свой десятый, как заблудший путешественник на остров племени Тумба-юмба. Девчонки раскрашенные, мальчишки лохматые-усатые, и все не скачут по партам, как мы, а сидят с умным видом, уткнувшись по трое в одну книжку. На меня никто и головы не поднял, давая понять, что всякие стриженные и бледнолицые им до фени. Я нашла себе место – самую дальнюю парту у окна, не занятую, не захламленную и даже почти не разрисованную (не принято у них тут, что ли?).

Нашла, бросила рюкзак, с удовольствием плюхнулась сама и...

Этот звук я узнаю даже на концерте школьного ударного оркестра. Как новогодние куранты! Как позывную музыку «Ералаша»! Уже зная, что сейчас будет, привстала. По моему стулу растекался мягкий коричневатый помидор. Любимая шутка Липатова, как фирменный знак Зорро. Можете вообразить, какая красота была у меня на штанах?!

Только вот Липатова рядом не было. Липатов остался в восьмом. Я оглянулась. Весь класс пялился на меня и хихикал. Ясненько. Большие-то большие, а не лучше Липатова. В смысле – помидор на стул подложить не побрезгут.

Хихикали все, и трудно было понять, кто именно это сделал. Знала бы – отделала, как «химия» химичку!

– Кто?!

Так они и признались! Класс уже не хихикал, а просто ржал над моей дурацкой беспомощностью.

– Куплю завтра килограмм помидоров да всем наложу на стулья! – тихо сказала я. – Раз один не хочет признаваться, пусть будет каждому по помидору!

Никто и не моргнул. Мне даже не съездили по шее. Наверное, моя угроза звучала глупо.

Своевременно появилась классная, сказала «Здравствуйте» и велела всем встать. Хорошо, что я выбрала последнюю парту! Сзади никому не было видно, как сильно любят здесь новичков. Хотя зачем видеть, когда и так все знали?

Я грызла ногти. Ничего. Выйду потихоньку на уроке да ототру со штанов художество. А стул... Пересяду на соседний, парту я заняла целиком. Впервой, что ли?! Да если хотите знать, в нашем с Липатовым романе были и более страстные эпизоды. А свой излюбленный помидор он ухитрился подкладывать именно в те дни, когда меня должны спросить. (У двоечников на удивление хорошо получается вычислять, кого когда спросят. Для меня, например, каждый раз неожиданность, а он знает.)

Училка, наконец, велела сесть и началось ОБЖ. Училку за глаза называли Юрка. Нет, она женщина, просто отчество Юрьевна, а имя непроизносимое. Она развесила на доске плакаты и стала рассказывать о взрывчатых веществах и всяких там детонаторах. Я неважно знаю эту тему. Собственно, о детонаторах я знаю только то, что они есть, а если нет, то и радуйся.

Я подняла руку:

– Можно выйти?

– Малявочка обдулась! – послышался дурашливый голос. Я заметила, кто это сказал – белобрысый прыщавый урод с первой парты. Он у меня получит, будьте спок! Липатова натравлю и сама добавлю.

Класс заржал. Юрка пожала плечами:

– Иди, раз не терпится.

От хохота дрожали оконные стекла. Проклиная и этот класс, и Ларису, за то, что так удружила, я бочком-бочком, чтобы не было видно пятна, вырвалась на свободу.

В женском сортире сидел на подоконнике Липатов и курил. Мужской был этажом ниже, и ему было лень спускаться – все равно урок, никого нету. Я молча отвернула кран и стала замывать испорченные джинсы. Красный помидор на синей джинсе – ужас! Мелкие помидорные косточки забивались под ногти. С минуту Липатов пускал колечки, с любопытством уставившись на меня. Наконец, проявил участие:

– Проблемы?

– Не больше, чем с тобой, – огрызнулась я, но справедливости ради добавила: – Они, что ли, у тебя патенты покупают на шуточки? Десятый класс, а никакой изобретательности!

Липатов самодовольно кивнул:

– Покажешь, кто.

Я подумала, что правды уже никогда не узнаю, раз помидорный диверсант не обнаружил себя с самого начала. Но на того, который кричал: «Малявочка обдулась!» стоит натравить Липатова.

– У твоей крысы крысята родились, – сообщила я.

Липатов обрадовался, как молодой папаша, и стал мне рассказывать, чем подкармливать крысят, когда они подрастут. В общем, остаток урока мы провели с пользой.

* * *

На истории вышла заминка. Всякие там алгебры-физики я вчера кое-как пролистнула, а вот на гуманитарные учебники времени уже не осталось. Историчка вызвала меня как будто специально, чтобы поднять на смех:

– Лебедева, расскажи нам про Октябрьскую революцию!

Однокласснички заранее хихикали.

Давно мне не было так стыдно. Я не знала, что сказать, какая тут революция, когда мы в восьмом ее не проходили, а вчера я не успела прочесть.

– Ты будешь отвечать или нет? – наседала училка. Я буркнула что-то вроде: «У меня болит голова, можно выйти?» – сгребла сумку и выскочила из класса. Мне было стыдно, и еще я рассердилась на училку – видит, что человек не готов, чего лезет? Зачем вообще меня эта Лариса в десятый перевела – нарочно поиздеваться? Не ботанка я, не ботанка!

Волоча рюкзак на одной лямке, я выбрела на школьный двор. Может, прогулять остатки уроков? А что? Совру, что голова заболела.... Возвращаться в школу не хотелось по уйме причин: во-первых, уроки все равно не сделала, так что сидеть за партой – только позориться, во-вторых – однокласснички... С этим белобрысым Липатов разберется, но не сможет же он отлупить весь класс!

И, в конце концов, – не забыла ли мама покормить крысят? «Двойка – пятно чернил, а крыса – живое существо», – решила я и двинулась к дому.

Глава V

Как я дала интервью, а дядя Саша вспомнил, что у него есть брат

У ночного клуба толпился народ: что это они в неурочный-то час? Подойдя ближе, я увидела директора в костюме (конечно, запомнила за два месяца, врагов надо знать в лицо), двоих в милицейской форме и еще двоих в гражданском. Директор торопливо перебирал ключи на связке и ворчал под нос:

– Металлодетектор-то стационарный! Как он ухитрился пронести оружие?!

– Пластиковый трехгранник, – охотно пояснил милиционер. – Никакого ножа не понадобилось.

Вид у него был такой будничным, что жуть брала. Стоял себе, смотрел, как директор возится с ключами, отпирая дверь. А между тем сегодня ночью кому-то в клубе не понадобилось ножа, потому что был пластиковый трехгранник. Я вспомнила, как резко стихла музыка. Хоп – и все. А теперь вот – милиция... Неужели, кого-то убили?!

Крыса обрадовалась мне, как родной. Должно быть, эти пищание-скулящие успели ее порядком достать, и она была рада увидеть существо крупнее средней креветки. Она выскочила в коридор меня встречать (клетку я, что ли, не закрыла?), забралась по штанине на рукав, по рукаву на плечо, и уселась, щекоча усами мою шею. Я почесала ее за ушком и пошла на кухню варить крысиную кашу. Крысята высунули мордочки из домика. Они уже покрылись голубой шерсткой и открыли черные угольки-глазки. Я протянула мизинец сквозь решетку и осторожно их погладила. Влажные булавочные носики тыкались в мой палец, царапались еще не прорезавшиеся толком зубки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.